

Новые книги

Русская Церковь во 2-й половине XIII — 1-й половине XIV века*

Книга, в которой предпринимается попытка исследования недостаточно изученного периода истории Русской Церкви, безусловно заслуживает внимания. В основе рецензируемого исследования лежит текст диссертации, защищенной Р. А. Соколовым в Санкт-Петербургском государственном университете в 2006 г. Структура монографии стандартна: обзор источников и историографии (гл. 1), 2 главы, построенных в основном по хронологическому принципу: «Церковь в общественно-политической системе Руси в середине XIII — начале XIV в.», «Церковь и общество на Руси в первой половине XIV в.» и заключение. Подразделы последних глав в основном посвящены правлению того или иного митрополита. Как видим, в построении книги главенствует не проблемный, а хронологический принцип, характерный для церковной историографии XIX в., однако на данном этапе развития исторической науки несколько устаревший¹.

Введение не отличается оригинальностью и состоит из общеизвестных сведений вкупе с обильными цитатами из трудов других историков. Автор демонстрирует хорошее знание историографии, учитывает последние публикации по теме. Внимание к трудам предшественников можно расценить, конечно, только положительно². Забегая вперед, следует сказать, однако, что у Р. А. Соколова эта сторона исследования оказалась явно гипертрофированной. Ссылками на труды историков сопровождается почти каждое (!) предложение основной части книги, они как бы подкрепляют суждение автора по тому или иному вопросу. При этом авторская позиция нередко заимствована из самой историографии, а не является результатом самостоятельного анализа источников. Следует отметить также, что во Введении нет ни формулировки задач исследования, ни обоснования его хронологических рамок.

* Соколов Р. А. Русская Церковь во второй половине XIII — первой половине XIV в. / Под науч. ред. Ю. В. Кривошеева. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2010. 232 с.

Весьма заметный отпечаток на книгу Соколова наложило то, что автор следует теории своего научного руководителя Ю. В. Кривошеева, по которой в XIII–XIV вв. в Северо-Восточной Руси продолжала существовать система городов-государств (земель), характерная, согласно «земско-вечевому» историографическому направлению, появившемуся еще в XIX в. и возрожденному в 1960–1970-х гг. И. Я. Фрояновым, для домонгольской Руси³. Приверженность базовым идеям «школы Фроянова» (не получившим всеобщее признание среди исследователей Древней Руси) Соколов декларирует в очерке историографии (с. 22–23). Ключевым положением монографии является тезис о зависимости Церкви от той или иной «общины» (городской или сельской): «Эволюция Церкви как общественного института проходила, на наш взгляд, в рамках постепенной трансформации городов-государств в качественно иную форму государственного устройства — единую державу. Этот процесс можно считать в основном завершившимся в эпоху Ивана III. Он (т. е., надо понимать, процесс.— *М. П.*) и явился одной из причин упрочения независимости клира от общины и одновременно увеличения роли князя во внутрицерковной жизни» (с. 203–204). На страницах книги встречается ряд «теоретизирующих», укорененных не в источниках, а в концепции, суждений автора: «сильная зависимость от общины города-государства в период Киевской Руси дала церковной организации богатейший опыт взаимодействия с народом и научила всегда помнить о его интересах» (с. 199), «кропотливая работа (епископа Серапиона Владимирского.— *М. П.*) по трансформации «полисного», «городского», патриотизма в патриотизм государственный, общерусский» (с. 201), «храмы в Древней Руси — собственность общины» (с. 202) и др. Следование изначально заданной концепции исторического процесса является, конечно, осложняющим фактором в установлении исторической истины. Другой особенностью историографических предпочтений автора является то, что он неоднократно одобрительно ссылается на произведения Л. Н. Гумилева, прежде всего на книгу «Древняя Русь и Великая Степь» (с. 22, 66–70, 108, 125, 137 и др.), считая, очевидно, что околонучные исторические труды последнего важны для понимания рассматриваемого в книге периода⁴.

Поскольку исследовательский акцент у Соколова смещен в сторону историографии, источники зачастую используются им иллюстративно. По большей части это летописи, что, впрочем, естественно для изучаемого периода. При этом автор неоднократно и без каких-либо оговорок привлекает «свидетельства В. Н. Татищева» (с. 111, 128 и др.) и уникальные, отсутствующие в летописании XIII–XV вв. сведения Никоновского летописного свода 1520-х гг. (см., например, с. 170–172, 186, 191 и др.; впрочем, Соколов многократно ссылается и на те известия данного свода, которые имеются в более раннем летописании), хотя использование сведений этих позднейших и, как хорошо показано современными исследователями, не всегда достоверных памятников⁵ нуждается в каждом конкретном случае в специальном обосновании. При этом автор монографии пренебрегает ценной информацией о церковной жизни в сохранившихся памятниках русского канонического

права XIII–XIV вв.⁶ Следствием недостаточного внимания к источникам являются нередкие ошибки или недостаточно обоснованные суждения, связанные или с упущением важной информации, или с поверхностным прочтением текста, или с некритическим восприятием гипотез других историков⁷.

Остановлюсь только на некоторых спорных моментах, содержащихся в рецензируемом труде. В очерке о «внутрицерковной деятельности» митрополита Кирилла II автор пишет, что последний получил «Кормчую в славянском переводе» из Болгарии в 1270 г. (следуя при этом мнению церковных историков XIX — начала XX в., когда текстологическое изучение редакций Кормчей книги делало только первые шаги). Неуклюжим названием «Кормчая в славянском переводе» автор, видимо, обозначает сербскую редакцию Кормчей. Между тем Я. Н. Шапов в своем исследовании о Кормчих книгах на Руси на основе изучения рукописного материала обосновал, что послание болгарского деспота Якова—Святослава митрополиту Кириллу II и запись писца Драгослава о переписке Кормчей для отправки ее в Киев датируются 1262 г.⁸ Для опровержения этого мнения нужны очень серьезные аргументы, однако Соколов ограничился лишь выражением своего сомнения: «Едва ли митрополит более десяти лет “прятал” полученную Кормчую» (с. 94). В серьезных доказательствах, а не в рассуждениях общего характера нуждаются и такие утверждения автора, что «использование Кормчей в славянском переводе должно было, очевидно, уменьшить зависимость от Константинополя»⁹ (это якобы «вполне объяснимо для митрополита-русского»), что Киевскому митрополиту новая редакция сборника церковных правил понадобилась потому, что он опасался за чистоту веры на Руси, учитывая стремление императора Михаила Палеолога к унии с Римом (с. 94–95). Выстраивается грандиозная картина межцерковного противостояния, однако автор тут же оставляет неискушенного читателя в недоумении, заявляя: «Подчеркнем, что вместе с тем не стоит преувеличивать значения получения Кормчей (видимо, сербской редакции.— М. П.) на Руси», тем более что, как вдруг оказывается, Кормчие имелись на Руси и до монгольского нашествия (с. 95).

Обращаясь далее к поставлению на кафедру Владимира-Залесского известного проповедника киево-печерского архимандрита Серапиона, автор датирует этот акт без всякого обоснования 1274 г. (с. 95, 97 и др.), хотя Шапов привел убедительные и принятые в науке последних десятилетий аргументы в пользу того, что Собор состоялся в 1273 г., не позднее 21 октября, когда скончался один из его участников, архиепископ Новгородский Далмат¹⁰. Точка зрения Шапова Соколову известна (с. 97, примеч. 321), однако polemизировать с ней автор не стал. Местом проведения Собора Соколов определяет Владимир (а не Киев, как полагал Шапов), что, на мой взгляд, правильно¹¹, однако поскольку в источниках прямо об этом не говорится, данное мнение необходимо было обосновать.

Удивительно, что в своей книге Соколов практически не анализирует Постановление этого Собора — важнейший источник по русской церковной истории изучаемого им времени, первый такого рода древнерусский памятник, сохранившийся до наших дней. Автор ограничивается общей ссылкой на публика-

цию соборных правил и в одном предложении (!) характеризует их содержание (с. 106). Между тем, например, именно в постановлениях Владимирского церковного Собора 1273 г. впервые упоминаются десятильники как архиерейские чиновники, ведавшие сбором десятины¹², что не мешает Соколову утверждать, что сбор церковной десятины прекратился «после установления так называемого ига» из сострадания к народу, обложенного податями в пользу Орды (с. 81).

Зато несколько страниц книги посвящены проповедническим «Словам» епископа Серапиона, которые, по мнению исследователя (восходящему, впрочем, к одной из историографических версий), все были составлены в последний, владимирский период его жизни. Выражение первого «Слова» епископа Владимирского Серапиона: «ныне землю трясет и колеблеть», автор склонен понимать не как свидетельство о некоем землетрясении, а как образное выражение, характеризующее план императора Михаила Палеолога заключить унию с Римом (имеется в виду Лионская уния 1274 г.). Причем, поскольку «глубинный смысл его слов мог быть ясен лишь посвященным», Соколов полагает, что приведенные слова Серапиона были обращены к участникам Владимирского Собора (с. 101). Подобное истолкование источника, является, конечно, не более чем фантастическим домыслом автора.

Сообщая читателю, что «в это время в Византии происходило утверждение кидемониальной теории», автор рецензируемого труда не утруждает себя хотя бы самым кратким объяснением, что это такое, предлагая читателю обратиться к книге дореволюционного историка Церкви П. П. Соколова, изданной в Киеве в 1913 г. и давно ставшей библиографической редкостью¹³ (с. 97, см. также с. 116, 140 и др.). Очевидно, что данный термин неизвестен и непонятен, наверное, большинству историков-специалистов, не говоря уже о студентах и широких кругах читателей. Из дальнейшего становится очевидно, что ссылка на теорию, которая предусматривала расширительное понимание власти Патриарха Константинопольского, «попечение о всех», и на самом деле стала политическим фактором не ранее 2-й половины XIV в.¹⁴, оказалась нужна автору затем, чтобы разрешить непростое для разделяемой им теории противоречие: на Владимирскую кафедру в 1273 г., совершенно очевидно, был поставлен кандидат митрополита, а не веча, власть которого, согласно «новейшему исследованию» Ю. В. Кривошеева, «была в тот период еще достаточно сильна» и которое в таком случае должно было настаивать на своем кандидате (с. 97, примеч. 320).

Затрагивает автор и основание Сарайской епархии в 1261 г., приводя подробный обзор мнений историков по этому вопросу. Соколов настаивает на миссионерской цели епархии, приводя в пример обращение Чингизида царевича Петра (с. 87). Однако «Повесть о Петре, царевиче ордынском» — довольно позднее произведение, созданное, наиболее вероятно, в конце XV в. в связи с обоснованием земельных владений ростовского Петровского монастыря¹⁵. Поэтому его нельзя считать надежным историческим источником, повествующим о событиях XIII в., тем более о деятельности Сарайской кафедры (обращение Петра, по Житию, было связано с деятельностью епископа Игнатия Ростовского). Между тем миссионерская работа в Орде безусловно велась,

свидетельством чего являются сведения такого памятника, как «Ответы Константинопольского Патриарха Иоанна Векка и патриаршего Синода Сарайскому епископу Феогносту в 1276 г.», где говорится о случаях обращения в православие не только татар, но и несториан и яковитов¹⁶. Однако Соколов на этот источник ссылается в другом месте и не упоминает о крещении татар (с. 114).

Ошибочно утверждение автора, что первым воспринял титул митрополита «всей Руси» Максим (1283–1305 гг.), «чем подчеркивалось противопоставление центробежным силам в светской среде единства Русской Церкви» (с. 129, примеч. 517). Соколов ссылается на мнение, высказанное А. Е. Пресняковым в его труде «Образование Великорусского государства», изданном в 1918 г., однако в то время еще не были сделаны многие открытия в области сфрагистики. Следует отметить, что важнейший для изучения истории Русской Церкви XIII–XIV вв. 3-томный труд В. Л. Янина о древнерусских печатях Соколов не привлекает вовсе. При обращении к нему нетрудно было бы выяснить, что титул «митрополит всей России» присутствует уже на домонгольской печати, принадлежавшей скорее всего митрополиту Константину II (1167 г. — не ранее 1174 г.), а «архипастырем всей России» был титулован митрополит Никифор II (1182 г. — не ранее 1198 г.)¹⁷.

Особое место в монографии занимает повествование о Переяславском Соборе (1309–1311 гг.), на котором незадолго до того ставший митрополитом Киевским свт. Петр был обвинен в симонии, т. е. поставлении в священник сан за деньги. Решая вопрос, почему митрополит был оправдан, автор монографии присоединяется к мнению Л. Н. Гумилева, что «решающее значение сыграла на Соборе позиция, занятая народом», волю которого якобы выражали «светские лица» (с. 137). Оказывается, сторонники Петра просто оказались в большинстве, и дело было закрыто. Однако об активном участии «народа» в Соборе и зависимости от него князей ни одна из двух редакций XIV в. Жития митрополита Петра не сообщает. Зато домысел Гумилева хорошо укладывается в разделяемую автором теорию об активной вечевой деятельности в городах Северо-Восточной Руси после монгольского нашествия.

Прояснить суть дискуссий могло бы привлечение имеющихся в наличии важных памятников, близких по времени Переяславскому Собору — Послания Патриарха Нифонта великому князю Михаилу Ярославичу и «Написание» тверского монаха Акиндина, адресованного ему же¹⁸. Соколов, однако, уделяет им совсем мало внимания. О «Написании» упомянуто в примечании (с. 140), хотя в нем в развернутом виде содержатся канонические основания для обвинения Петра, почти наверняка прозвучавшие на Соборе. Послание Нифонта автор считает «второй попыткой» Михаила отстранить Петра от святительства. Следует заметить, что Соколов разделяет устаревшее мнение о времени занятия Нифонтом Константинопольской кафедры — 1312–1315 гг. Между тем в настоящее время считается общепризнанным, что его Патриаршество началось уже в 1310 г.¹⁹, т. е. вполне вероятно, что Переяславский Собор (который мог быть созван не ранее 1309 г., когда Петр прибыл на Русь, и не позднее марта 1311 г., когда появляется летописное свидетельство о благополучном для Петра исходе разбирательства) состоялся при Нифонте, грамота

которого великому князю Михаилу была, таким образом, приурочена к Собору. Опираясь в том числе и на указанную датировку Послания Нифонта, Соколов, вопреки Житию свт. Петра, отрицает примирение митрополита с Тверским епископом Андреем и великим князем Михаилом и считает, что визит святителя в марте 1311 г. в Тверь, где он вместе с Андреем хиротонисал двух епископов²⁰, — «демонстрация власти митрополита» (с. 138–139). Одной из причин частых, согласно Житию, разъездов Петра по стране называется «нежелание долго оставаться во Владимире, городе враждебного Михаила Ярославича» (с. 139), «поскольку уютно чувствовать себя в городе, где правил Михаил Тверской, он не мог» (с. 147). Но основным местом жительства Михаила была, конечно, Тверь, да и великим князем он являлся только до 1318 г. Даже в самый разгар конфликта с Михаилом в июне 1309 г. Петр находился во Владимире²¹. Довольно красноречивым фактом (не отмеченным Соколовым) является то, что в 1313 г. великий князь Михаил Ярославич и митрополит вместе ходили в Орду «к новому царю Озъяку»²², что вряд ли было возможно при откровенно враждебных взаимоотношениях.

Автор также упускает из виду, что Переяславль, где состоялся Собор, с 1302 г. территориально принадлежал Москве, и в отсутствие инициатора процесса великого князя Михаила Тверского, находившегося в Орде, это, очевидно, способствовало оправданию митрополита Петра. Зато Соколов с доверием отнесся к «свидетельству» В. Н. Татищева, что московскую делегацию на Соборе возглавлял Иван Данилович Калита (с. 139). На этом он строит объяснение «тесной связи» митрополита и московского князя в дальнейшем. Рассказ Татищева о Переяславском Соборе между тем носит откровенно фантастический характер: его созывает сам митрополит против некоего хулившего монашество новгородского еретика Вавилы, неизвестного древнерусским источникам. Историк XVIII в. использовал в тексте послание архиепископа Новгородского Василия Калики Тверскому епископу Феодору Доброму (около 1347 г.) и, видимо, сведение Жития Петра о диспуте с неким еретиком Сеитом²³. Справедливости ради следует сказать, что достоверность сообщения о «ереси Вавилы» автор впоследствии отвергает (с. 145).

Москва в качестве митрополичьей резиденции Петром была определена «в первую очередь из-за ее выгодного положения» (с. 149). В чем оно заключалось и почему именно географический (а не, скажем, канонический²⁴) фактор сыграл решающую роль? Оказывается, что Владимир и Тверь не подходили для центра митрополии, поскольку располагались слишком далеко от Южной Руси и не имели удобных путей в Киев. Однако следует заметить, что Москва вряд ли обладала по этому параметру каким-либо существенным преимуществом.

Перенос первого московского монастыря, основанного св. князем Даниилом, в Кремль из-за Москвы-реки и учреждение московской архимандритии в 1330 г. были сделаны с целью «привлечения симпатий монашества», ибо Иван Данилович «понимал силу русского иночества» (с. 164), этим же объясняется и строительство храма во имя прп. Иоанна Лествичника (с. 158–159). Как и в чем симпатия немногочисленных московских монахов могла помочь Калите, автор не поясняет, видимо, считая это очевидным.

Повествуя о сложных новгородско-московских отношениях 1330–1340-х гг., автор вплоть до изложения событий 1346 г. не приводит ни одной даты (с. 174–178), вероятно, понуждая тем самым читателей самим обратиться к летописям. При этом используются выражения «в следующем году», «на будущий год» и т. п. Посылку Новгородским архиепископом Моисеем после возвращения на кафедру в 1353 г. грамот в Царьград с жалобами на митрополита автор объясняет стремлением к максимальной автономии Новгородской архиепископии от Москвы, для чего Моисей использовал, в частности, получение «крестчатых риз» (полиставрия) из Константинополя, что было знаком, согласно Соколову, «подчинения непосредственно Царьграду» (с. 193–195). Представляется, что такой вывод нуждается в более серьезных доказательствах, для чего необходимо было бы проанализировать сохранившийся текст двух грамот Патриарха Филофея Моисею от июля 1354 г., что автором не сделано. Между тем эти Патриархии послания, очевидно, и явились ответом на грамоты Моисея в Константинополь. В них Филофей предписывает Новгородскому владыке полное повиновение новопоставленному митрополиту Алексию²⁵.

Исследователю такого сложного для изучения времени, как 1-й век после установления ордынской власти над Русью, безусловно, необходимо привлечь весь корпус сохранившихся письменных источников, проявить тонкость источниковедческого анализа, продемонстрировать взвешенность каждого вывода. К сожалению, монография Р. А. Соколова не вполне отвечает этим требованиям. Автор не всегда идет в своем изложении далее обзора теорий, мнений и оценок, представленных в историографии, что снижает научную значимость исследования.

*М. В. Печников, кандидат исторических наук
(Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»)*

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Именно проблемный принцип положен в основу исследования Я. Н. Шапова, посвященного предшествовавшему, домонгольскому периоду истории Русской Церкви, а также монографии Б. Н. Флоры об отношениях государства и Церкви в славянских странах, где охвачен период с раннего средневековья до XVI в. включительно (*Шапов Я. Н.* Государство и Церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989; *Флора Б. Н.* Отношения государства и Церкви у восточных и западных славян (эпоха средневековья) // Исследования по истории Церкви: Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 5–121).
- ² Впрочем, нельзя не отметить в основном тексте книги некоторую небрежность и в области изложения историографических фактов, что приводит к довольно курьезным неточностям. Так, автор причисляет к «современным историкам» давно покойных А. М. Сахарова, А. А. Зимина и В. И. Корецкого (с. 77), пишет об этнографе М. М. Громыко в мужском роде (с. 69), приводит имена Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье вместе при обращении к первой части вышедшей под их именами монографии (с. 175, 180) (*Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М.; Л., 1955), при том, что она принадлежит перу только Н. А. Казаковой, о чем говорится во введении к указанному исследованию.
- ³ См.: *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. Изд. 2. СПб., 2003.
- ⁴ Так, Соколов на нескольких страницах всерьез обсуждает выдуманное Л. Н. Гумилевым «братание» Александра Невского и сына Батыя Сартака (с. 66–70), причем

- ему потребовалось зачем-то указать, что данный «факт» привел митрополит Иоанн (Снычев) в книге «Самодержавие духа» (СПб., 1994).
- ⁵ См.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980; *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М.; Киев, 2005.
- ⁶ Опубликовано: Русская историческая библиотека (далее — РИБ). Т. 6. СПб., 1908.
- ⁷ Например, автор рецензируемой книги склонен согласиться с Ю. К. Бегуновым, что на становление личности великого князя Александра Ярославича Невского в детстве мог повлиять архиепископ Новгородский Антоний (заметим, только предполагаемый автор летописной «Повести о разорении крестоносцами Царьграда в 1204 г.»), прививший ему якобы антикатолические взгляды (*Бегунов Ю. К.* Александр Невский: Жизнь и деяния святого и благоверного великого князя. М., 2003. С. 37). Однако Александр был в Новгороде до начала своего княжения в 1236 г., по всей видимости, считанные разы, причем первый раз (1223 г.) в раннем детстве, а ко времени его второго приезда в Новгород в 1228 г. Антоний уже «онеме» и не исцелился до самой смерти. Кроме того, как указывает сам Соколов, Антоний был не в лучших отношениях с отцом Невского Ярославом Всеволодовичем, который при живом архиепископе выдвинул своего кандидата на владычную кафедру.
- ⁸ См.: *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 146–152.
- ⁹ При этом известно, что с Патриархией Кирилл в 1270-х гг. поддерживал интенсивные контакты через Сарайского епископа Феогноста, неоднократно бывавшего в византийской столице (РИБ. Т. 6. № 12; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 336–337).
- ¹⁰ *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие. С. 183–184.
- ¹¹ См.: *Печников М. В.* К изучению соборных правил 1273 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 4(38). С. 98–100.
- ¹² РИБ. Т. 6. № 6. Стб. 92; см. также: *Флоря Б. Н.* Десятильники // Православная энциклопедия. Т. 14. М., 2006. С. 449–450; *он же.* Отношения государства и Церкви... С. 30–34.
- ¹³ *Соколов П. П.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913. С. 167–170.
- ¹⁴ См.: *Пападакис А., Мейендорф И., прот.* Христианский Восток и возвышение папства: Церковь в 1071–1453 гг. М., 2010. С. 447–448; *Мейендорф И., прот.* История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000. С. 530–531 [грамота Патриарха Филофея русским князьям 1370 г.].
- ¹⁵ *Белякова М. М.* «Повесть о Петре, царевиче ордынском» в историко-литературном контексте (к вопросу о датировке произведения) // Труды Отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Т. 46. СПб., 1993. С. 74–87; ср.: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 38–43.
- ¹⁶ РИБ. Т. 6. № 12. Стб. 136.
- ¹⁷ *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. М., 1970. С. 48–49.
- ¹⁸ РИБ. Т. 6. № 16.
- ¹⁹ См., например: Византийская империя. Часть 1 // Православная энциклопедия. Т. 8. М., 2004. С. 179.
- ²⁰ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 15. СПб., 1863. Стб. 408.
- ²¹ НПЛ. С. 92, 333.
- ²² ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 160.
- ²³ *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. В 8 т. Т. 5. М., 1996. С. 72.
- ²⁴ Значимость канонического фактора в вопросе определения местопребывания предстоятеля Церкви недавно раскрыл А. Е. Мусин (*Мусин А. Е.* Древнерусское общество, епископат и каноническое право в XII–XIV вв. // *Miscellanea Slavica*: Сборник статей к 70-летию Б. А. Успенского. М., 2008. С. 358–361).
- ²⁵ РИБ. Т. 6. Приложения. № 10–11. Стб. 51–64.